

Берендеев М.В.

«Кто мы?»: калининградцы в поисках собственной идентичности.

Берендеев Михаил Владимирович - аспирант кафедры политологии и социологии Российского государственного университета имени И. Канта (Калининград)

В последнее время проблема региональной или локальной идентичности все более актуализируется в связи с новыми представлениями о регионе, регионализации. Формируется взгляд на регион как особую социокультурную реальность, как социальную систему среднего, промежуточного уровня во все более глобальном мире. Насущной, без преувеличения, жизненно важной эта проблема стала в ходе трансформации российского общества, и в первую очередь для тех регионов, которые после распада СССР оказались в уникальных геополитических условиях развития. Одним из таких регионов является Калининградская область.

Калининградская область выделяется среди всех субъектов Российской Федерации не только историей возникновения, но и эксклавно-анклавным положением. Для России это эксклав, заграничная территория, но одновременно эта область и российский анклав, имеющий сухопутные границы только со странами Европейского Союза.

Своеобразие Калининградской области заключается и в особом типе возникновения социума. Это один из немногих регионов, население которого полностью формировалось за счет переселенцев из других частей СССР, точнее - из 20 областей и автономий РСФСР и Белоруссии. Социальные процессы конца 80-х - начала 90-х гг. качественно поменяли состав населения региона. Произошла массовая миграция населения из бывших республик СССР. Всего за последние пятнадцать лет на территорию региона въехало на постоянное место жительства примерно двести пятьдесят тысяч человек. Таким образом, к сегодняшнему дню местные уроженцы составляют

менее половины, около 40% от общего числа населения. Исследования показывают, что абсолютное большинство родившихся в области причисляют себя к коренным калининградцам. Среди родившихся за пределами региона примерно половина тех, кто в той или иной степени считает себя коренным жителем [1, с. 169-176].

Социальная идентификация калининградского регионального социума в силу этого выступает таким феноменом, который нуждается во всё более обстоятельном изучении, а значит, требует и отработки методологических приёмов. Комплексное социологическое исследование идентичности даёт понимание, насколько социум калининградского региона в силу его политической, исторической и иной специфики соотносится с общероссийским социальным пространством, каково его место в новой Европе.

В связи с этим главным вопросом при исследовании идентичности жителей региона у калининградских исследователей является следующий: "С кем вы больше всего соотносите своё "Я": "я - калининградец", "я - европеец" или "я - россиянин"?". При этом добавляются ещё и интегративные варианты ответа, типологизируя по уровням разные определенности: "европейцы и калининградцы", "калининградцы и россияне", "калининградцы, россияне и европейцы" и т.д. При этом исследователь работает с готовыми формулировками субъекта по поводу своей идентичности, а не с ее источниками и компонентами. Исследование, выявляющее наличие таких завершённых, конечных самоопределений, не имеет особого смысла, поскольку человек, считающий себя "калининградцем" через две минуты, в другой ситуации, с не меньшей убежденностью может характеризовать себя в качестве "европейца", а утром следующего дня идентифицировать себя как "россиянин". Все дело в том, какие смыслы, какой социальный контекст в данный момент являются главными для человека.

В силу этого нам представляется важной точка зрения Дж. Марсия [2], который определил идентичность как "внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории". Для операционализации понятия идентичности он выдвинул предположение, что данная гипотетическая структура проявляется феноменологически через наблюдаемые паттерны "решения проблем". Фактически наша идентичность задается проблемной ситуацией, которая объективно содержит вполне определённый источник.

Э. Гоффман [2] предположил, что наше множественное "Я" преподносится через наслоение ситуационных образов утверждающих социальные характеры, обретаемые и конструируемые человеком при попадании в ту или иную ситуацию из которых складывается его общая социальная практика. Решая или не решая для себя проблему, человек каждый раз пополняет или заново конструирует свой социальный образ, и, следовательно, видоизменяет свою идентичность. Собственно проблема, и степень её разрешённости в будущем для человека и становится источником идентичности. С. Хантингтон [4, с.59] приводит обобщённый список подобных источников-ситуаций: аскриптивные (возраст, пол, кровное родство, клановое родство, принадлежность к этнической группе, расовая принадлежность); культурные (национальная, языковая, религиозная, цивилизационная принадлежность); политические (фракционная или партийная принадлежность; политические группы, идеологии, интересы государства); экономические (работа, профессия, рабочее окружение, социально-экономические секторы, профсоюзы, страты классы); коллективистско-групповые (социальный статус, социальные роли, друзья, клубы, команды, компании, ближайшее окружение, семья); территориальные (город, провинция, область, регион).

Исследуя социальную идентичность в Калининградской области, как, впрочем, и в других регионах, нельзя не понимать, что индивид соотносит себя всё же с относительно условными группами ("калининградцы",

"россияне" и "европейцы"). Усвоение своего социального образа происходит у человека в соответствии со степенью решенности для него определённой проблемы или группы проблем, к тому же сами категории «россиянин», «европеец» и «россиянин» настолько подвижны в сознании респондентов, что зачастую выясняется: что один вкладывает в «калининградца», для другого «европеец». Чаще всего, давая ответ исследователю, человек вообще использует только один источник приобщения себя к некоему социальному целому. Это допустимо для самого идентифицируемого, но не для исследователя, зачастую также ограничивающегося только одним или несколькими источниками или вообще к ним не обращающимся. В итоге можно получить результаты исследования, в которых под категорию "европеец" попадают *"географический европеец"*, *"экономический европеец"*, *"национальный европеец"*, *"политический европеец"* и даже *"ментальный европеец"*. Чаще всего *европейскость* подчеркивается на основании трёх суждений: «я – европеец», т.к. живу в регионе расположенном в центре Европы» (оценивая себя с позиции чистой географии, а не геокультурной сопричастности); «я – европеец», поскольку в коммуникативном отношении для Калининграда Европа более доступна» и «я – европеец», поскольку уровень моей заработной платы характерен для многих стран ЕС». Но всё это разные «европейцы». То же касается и других категорий, когда один житель региона считает себя *"калининградцем"* на основании большего или меньшего материального достатка по сравнению с другими регионами, а другой *"калининградец"* таковым является лишь по территориальной привязанности, как человек, никогда ранее не выезжавший за пределы региона.

В связи с этим субъекты, сведённые в рамках одной из групп "калининградцы" или "россияне" и т.п., могут иметь мало общего между собой и по источнику идентичности, и по ее компонентам, т.е. по составляющей, которая лежит в основе самоопределения человека (рациональная, когнитивная, эмоциональная, аффективная составляющая). В

качестве иллюстрации к вышесказанному приведём данные, полученные в ходе интервью с двадцатью респондентами, представителями разных слоев молодежи области. В ходе интервью задавался вопрос: "С какой из категорий вы больше всего себя соотносите: "калининградцы", "европейцы" или "россияне?". 10 человек назвали себя "калининградцам", 4 - "россиянами" и 6 - "европейцами". После этого каждому респонденту был задан вопрос: "Почему вы выбрали именно эту категорию, а не другую?".

Оказалось, что 4 респондента, определивших себя в качестве россиян, использовали различные источники идентичности. Один "россиянин" классифицировал себя так, используя *политический* источник "Я - россиянин - поскольку Калининградская область субъект Российской Федерации и я имею российское гражданство". Второй интервьюируемый воспользовался *социальным* источником идентичности: "Я - россиянин т.к. уровень образовательных, других социальных услуг и заработной платы здесь типичный для России, нельзя назвать его особым, и никак не соответствует уровню ЕС". Третьему респонденту для подобной идентификации было достаточно лишь *аскриптивного* источника, поскольку, по-видимому, он не обладает достаточной социальной практикой, и другие источники ещё не были поставлены перед ним как осознанная проблема: "Я - россиянин, так как принадлежу к русскоязычной нации, родители и все мои родные русские".

Получилось, что и четвёрка "россиян", и десяток "калининградцев" и шестеро "европейцев" по содержанию, по набору признаков получились настолько различными и подвижными в собственной идентичности, что в реальности они не могут создать никакой подобной группы.

Определяя себя как "калининградец", "россиянин" или "европеец", респондент не может сконструировать свой социальный образ, отнеся себя к одной из этих групп или нескольким сразу, поскольку "калининградец", "россиянин" или "европеец" не есть социальные группы, существующие в рамках калининградского социума как реальные социальные объекты. Они

всего лишь *предельные категории, обобщающие некоторые множества людей и описывающие их с позиции близости поведенческих и стилевых установок*, происходящих из разных источников идентичности.

Если исследователь желает работать с категориями "россиянин", "калининградец" или "европеец", используя эти понятия как передающие реальные объекты наличного социального, т.е. как с группами, то предварительно следует сконструировать модели этих групп, теоретически создать определённый набор условий (шкалу требований), по которым каждый индивид может быть идентифицирован именно так, а не иначе. Фактически исследователь изначально формирует несколько ингрупп ("мы", "свои"), и затем в соответствии с выдвигаемой шкалой требований к каждой из ингрупп "зачисляет" в них респондентов. Но ингрупповое самоопределение должно исходить непосредственно от субъекта носителя идентификаций. Причём каждый представитель, например, моделируемой ингруппы "европейцы" чаще всего бёрётся к "россиянину", как представителю аутгруппы. Такое разделение выглядит, вероятно, несколько примитивным. Вообще надо заметить, что *идентичность жителя Калининградской области больше похожа на WEB-сайт*, подобна тому, как в одном окне сайта открываются сразу множество ссылок, картинок, образов, текстов и т. д., содержание которых явно находится в некоторых противоречиях. Это понятно, ведь житель региона может одновременно называть себя патриотом России, сторонником сильной государственности, но при этом также являться сторонником придания Калининграду особого статуса, и видеть область включённой в зону Шёнгенских соглашений и общей европейской валюты.

Проведенный в октябре 2006 года опрос молодёжи региона (группа от 18 до 28 лет)* преимущественно студенчества выявил новые и интересные факты, констатирующие взгляд на себя, своё местожительство, близость

* Опрос «Идентичность молодых калининградцев» проводился группой интервьюеров под руководством автора данной публикации с 1 по 8 октября 2006 года в Калининграде, а также пяти городах и районах области. Опрошено 320 человек.

культурных объектов, надежды на будущее региона. Анализ представлений о себе в этой группе является очень показательным с точки зрения феномена *разорванной идентичности*. Эмпирически в большинстве соприкасаясь только с региональным пространством, эта группа не вырабатывает на осознанном уровне *связи с устойчивыми образами «материковой» России. Российскость*, таким образом, остаётся на этнопсихологическом уровне, который зачастую неосознаётся самими индивидами. Представления о себе как россиянина в этой возрастной группе формируются в основном в двух плоскостях:

1. *Медийная коммуникация* - привязка себя к некоторому набору пророссийских образов получаемому в ходе информации полученной в СМИ, когда источником идентичности служит набор *медийных сюжетов*.
2. *Прямая аскрипция*, т.е. признание себя россиянином по происхождению, семейственности, родственным связям, или даже по суждению «рождён на территории России».

«Я - россиянин» - выводится, как правило, из двух основоположений:

1. Уровень доходов населения типично российский;
2. Развитость социальной сферы, образовательных услуг и медицинского обеспечения – типичные для России.

В последнее время рост процента жителей Калининграда идентифицирующих себя как *россияне*, связан также с ***протестной идентификацией***, позицией неприятия:

1. *расширения блока НАТО, как потенциального врага. (В сознании обывателя Европа часто отождествляется с НАТО, организацией для которой единственным вероятным противником в северо-западной части европейского континента является Россия);*
2. *введения визового режима для жителей Калининградской области, как и для жителей остальной России (нежелание ЕС, идти на привилегированные отношения с российским эксклавом);*

3. политики стран Балтии, как участников ЕС, по отношению к русскоязычному населению проживающего в этих странах.

Вместе с тем 47% респондентов не хотели бы менять местожительства вообще, треть же ориентирована на выезд в Евросоюз (прежде всего Германия, Нидерланды, Дания, Швеция, Ирландия). Поселиться и работать в Москве или С. Петербурге желают около - 12,5 %, что говорит о непопулярности стремления выехать в столичные российские города. В другие регионы России хотят уехать меньше 2,5%. Это подтверждается и поддержкой 45% молодых жителей утверждения, что область приобрела более выгодное геополитическое положение для собственного развития после распада Советского Союза, когда она попала в окружение стран Европейского Союза. Только 16% подозревают ЕС в негативном отношении к региону. Вместе с тем, несмотря на хорошее отношение как к ЕС в целом, так и странам соседям калининградцы (здесь мнение совпадает по всем группам) подозревают Германию (36%), Литву (20,6%) и Польшу (16%) в территориальных притязаниях к Калининградской области. 81% считают Калининградскую область лучшим регионом для местожительства, чем остальные российские регионы, а 92% твёрдо уверены в уникальности и особости региона, называя себя «Я – житель особой территории России в Европе».

Окрашивать себя в славянские и русские тона молодые люди не особенно спешат. Только 15 % опрошенных молодых людей назвали себя «славянами», выдвигая для себя именно эту идентичность на первый план, а что касается национального измерения, то себя с представителями одной национальности идентифицирует только 6%. Приводятся суждения подобного рода: «Мы уже не совсем русские, но ещё и не европейцы»; «мы относимся скорее к другой этнокультурной группе, чем просто русские»; «русскими можно назвать жителей Брянска и Смоленска, мы же другое дело, скорее мы Евророссияне или Балты – балтийские россияне». Такие суждение «о нас» являются наиболее распространёнными. Часто

исследователи не обращают внимания на подобные аргументы и подводят даже таких респондентов под категорию «российский народ». Это ошибочно, поскольку «российский народ» и «русский народ» не одно и то же тем более в Калининградской области, где эти понятия порой разводятся до крайностей. К примеру, многие из литовцев проживающие в российском Принеманье, на северо-востоке региона и имеющие российское гражданство, часто заявляют о себе как «российском народе», для них идентичность «литовец», а уж тем более европеец не является актуальной. Типичные представители славянской внешности, въехавшие на территорию области из Ярославля или Воронежа 5-7 лет назад и не имеющие других корней кроме русских, нередко идентифицируют себя с такими категориями как «евророссияне», «прибалты», «балтийцы», ориентируясь на не русское, не славянское, словно стесняясь этих понятий и изначально ориентируясь на Европу. Если в той или иной степени с «россиянином» себя соотносит почти 64%, то «российским народом» назвали себя только 36%, а ещё 30% выбрали категорию «евророссияне». В этом случае удалось установить опасную тенденцию в сознании, прежде всего, молодых представителей калининградского социума. Их «Россия» уместается в границы Калининградской области: «мы - россияне», поскольку входим в состав России, но *российский народ* – это ещё и осознание себя неотъемлемой частью большого социокультурного и исторического пространства, мы же напоминаем некоторую российскую общность живущую другими образами и стилевыми установками, «мы – другая Россия», - так в основном аргументируют респонденты свою позицию. В этом проявляются черты вульгарной подражательности всему западному и навешивание негативных ярлыков по типу «не развитый», «не прогрессивный», «не продвинутый» на типично русские регионы.

Почти 72% в ответе на вопрос, какой из памятников архитектуры является для Вас близким по духу, выбирают Кафедральный собор, вторым популярным объектом являются Королевские Ворота, с барельефами

Оттокара II Пржемысла, герцога Альбрехта, Фридриха I, их выбрали почти 42%. Что же касается возведённого Храма Христа Спасителя, то только 33% выбирают его как «свой». Вряд ли такое положение вещей характерно для типично «русских регионов», когда житель, имеющий православные корни ассоциирует себя с инокультурными и инорелигиозными объектами. Причём за такими показателями скрываются более глубинные корни: стремление ощущать себя не «оторванным ломтём» России, а Россией включённой в Европу в её символическое, экономическое и даже политическое пространство. Часто именно поэтому калининградцы дают положительные оценки [5 с. 54] ближайшим соседям Литве (63%) и Польше (73%), называя их дружественными государствами и подчёркивая ещё одну важную составляющую региональной идентичности – «мы – неотъемлемая часть балтийского еврорегиона»

В связи с этим актуализируется и самый дискуссионный вопрос о статусе области. В таблице 1 [5, с. 46] представлена динамика ответов за последние 5 лет. На этот раз мы решили поставить вопрос так: какое будущее для калининградской области наиболее перспективно: в пространстве ЕС, России или Независимое государство? Тенденция независимости осталась на том же уровне в 10-11%, а вот будущее в составе ЕС показалось настолько заманчивым, что так или иначе 70% респондентов молодёжной группы указали именно на этот пункт и главным аргументом явился именно социальный источник: уровень доходов и заработной платы, медицинского обслуживания и страхования жизни, отношение к правам человека и его безопасности в Калининградской области должен стать европейским, но для того чтобы это было возможным область должна войти в европейское пространство, став заграничной территорией России (так с уверенностью считают почти 57% молодых людей).

Вообще нужно констатировать, что каждый житель обладает эксклюзивным самоопределением. Образ "европейца", "россиянина" и "калининградца", это мы видели на примере разбора источников идентичности, для каждого свой. Каждый раз понимание себя в контексте любой из этих категорий рождается, исходя из лично пережитого социального, политического, исторического и иного удовлетворения или разочарования.

Таким образом, исследуя социальную идентичность в региональном социуме, в частности, в калининградском, необходимо, на наш взгляд, избегать следующих методологических ошибок. Во-первых, *нельзя объективировать категории, выражающие условные группы*. В этом случае понятия "калининградец", "россиянин", "европеец" рассматриваются как реальные социальные группы, а не как номинальные значения. Во-вторых, *трудно согласиться с монизмом рассматриваемых источников идентичности*. Исследователи порой прибегают к анализу лишь одного источника идентичности субъектов, к примеру, культурного и на его основании выводят представление о самоотнесённости субъекта. В-третьих, необходимо избегать авторского психологизма. Некоторые исследователи социальной идентичности следуют своеобразному методу предпочтения, они, приписывая социуму больше таких идентификаций, которые близки по духу самому автору. В-четвертых, в ходе исследования идентичности представляется важным *избегать привлечение лишь определенного социального слоя, слоя с хорошо известной исследователю ментальностью*. Нельзя брать данный слой в качестве основополагающего, переносить на него некие культурные характеристики универсального характера.

Преодоление этих и иных методологических огрехов позволит продвинуть изучение идентичности как важной составляющей социальной реальности, а значит полнее выявлять, кто есть "Мы", какие "Мы", что общего имеем с "Иными", а в чем отличаемся от них, какие имеем перспективы для лучшего понимания и себя, и "Других".

Таблица 1.

<i>Желательный статус области в будущем</i>	2001	2003	2004	2005
Независимое государство	11,1	10,8	7,2	10,2
Территория в совместном управлении ЕС и РФ	14,5	19,8	6,2	8,0
Республика в составе России	15,8	14,3	7,6	9,8
Область РФ с правами Особой Экономич. зоны	39,3	34,4	46,6	44,4
Область в составе РФ	10,3	14,1	29,8	19,2
Регион в составе другого государства	8,4	6,6	2,6	4,8

Список литературы:

1. Алимпиева А.В. Калининградцы: проблема социальной идентичности // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США. Калининград, 2003.
2. Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980.
3. Гофман Э. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. В переводе Добряковой М.С. - www.psy.rin.ru. или www.ecsocman.edu.ru
4. Хантингтон. С. Кто мы? М.: АСТ, Транзиткнига, 2004.
5. Регион сотрудничества. Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий // Социологические обследования калининградского социума. Сборник научных докладов под редакцией А.П. Клемешева, Калининград, Изд-во РГУ им Канта, 2005.

Аннотация на русском.

В публикации анализируется проблема методологии исследования социальной идентичности регионального калининградского социума. Автор указывает на комплекс методологических ошибок возникающих у исследователей занимающихся проблемами самоопределения русского

социума, оказавшегося в уникальных геополитических условиях после крушения СССР и расширения Европейского Союза

Аннотация на английском.

In the publication the problem of methodology of research of social identity of regional Kaliningrad society is analyzed. The author specifies a complex of methodological mistakes arising during researches of self-determination of the regional Russian society which has appeared in unique geopolitics conditions after disintegration of the USSR and expansion of the European Union